

КУЛЬТУРНЫЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕСУРС РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ (1921-39гг.)

В.С. Мисиюк

Брестский государственный технический университет, г.Брест, Беларусь

Одной из проблем в исследовании положения русского национального меньшинства и русского национального движения Второй Речипосполитой является отсутствие объективной статистики. Зачастую польская статистика того времени грешила тем, что выдавала желаемое за действительное. В результате происходящие процессы перестают иметь вид закономерностей, а представляют собой ряд необъяснимых случайностей. Не исключение тому русское национальное движение. Для того, чтобы оценить возможности развития определенной национальной культуры, следует охарактеризовать ее социально-экономическую, демографическую и пр. основы.

Достаточно сложно подсчитать общее количество, на которое могли рассчитывать русские национальные организации. Данные статистики и подсчеты русских общественных деятелей существенно разнятся. «По скромному подсчету, сделанному в свое время польским политическим деятелем, большим знатоком меньшинственных вопросов, покойным Тадеушем Голувкой, в Польше насчитывается около миллиона русских. По нашим же подсчетам, значительно большее количество» [4, 57]. Эти слова принадлежат одному из лидеров Союза русских меньшинственных организаций (СРМО), председателю культурно-просветительского комитета Союза С.Кельничу. На тот момент он был самым авторитетным лицом, представляющим позиции этой влиятельной русской проправительственной организации в Польше. Официально данная позиция (о более чем миллионном русском населении Польши) заявлена представителем города Ровно бароном Штейнгелем 28-29 июля 1931 г. на съезде организации в Варшаве [2, 80]. Необходимо учитывать тот факт, что СРМО относил к русским только тех, кто имел русское самосознание, а не этническое происхождение, как это РНО. Выше упомянутый Т.Голувка (1889-1931) был с 1925 года директором Института исследований национальных вопросов (Instytut Badań Spraw Narodowościowych). Каким образом им была получена цифра 1 миллион русских? Дело в том, что согласно официальной статистике, в 1931 году русским языком пользовались 138 тысяч человек. В польских статистических таблицах он проходит в графе «rosyjski». В то же время для 1,219 млн. человек родным языком определен «руски» (ruski) [10, 22]. На территории четырех северо-восточных воеводств его определили родным 2,6 тысячи человек. Основная масса людей, говоривших на «русском» языке, проживала в юго-восточных воеводствах страны. Традиционно под «русским» понимался язык русинов. Русины - самый распространенный этноним, обозначающий этнических украинцев. А «руски» язык является не чем иным, как украинским. Польская администрация умело использовала определения «руски» и «украинец» зачастую одновременно, внося тем хаос в определении точных границ определяемого им народа. Так, в переписи 1921 года слово «руски» как обозначение украинца использовалось повсеместно. Как следствие, возникла путаница, когда словом «руске» обозначались одновременно и русские и украинские школы, газеты и т.д. Явление это не было чем-то исключительным, так как в 1931 году, подобно как русины в 1921 году, в Полесском воеводстве появилась многочисленная группа «тутейших».

Справедливости ради отметим, что в юго-восточных воеводствах существовало течение русофилов, считавшее русинов частью единого русского народа или народом, отличным от украинцев. Сторонники этой идеи объединялись в общественные и поли-

тические организации русофилов. К примеру, галицкие русофилы из Русской сельской организации распространяли свое влияние на около 30 тысяч членов.

Хотя Т.Головко, говоря о русинах, имел ввиду народ отличный от русских, для представителей русских организаций достаточно было упоминания слова «Русь», чтобы отождествить русинов с русскими. И хотя ставка была сделана на тех, кто сознательно причислял себя к русским, утверждать то, что для украинцев подобное явление было более характерно, чем для белорусов, серьезных оснований нет.

Согласно статистике 1931 г., в Полесском воеводстве насчитывалось 16,2 тысячи тех, кто своим родным языком считал русский, в Новогрудском – 6,8 тысячи. Всего в четырех северо-восточных воеводствах статистикой учтено около 100 тысяч носителей русского языка [10, 22]. Учитывая то, что определенная часть белорусского и украинского населения имела русское самосознание, цифры эти следует считать заниженными. В то же самое время они, очевидно, выше, чем число граждан, имеющих русское этническое происхождение. Примерное количество этнических русских на территории Западной Белоруссии могло равняться 50 тысячам, т.е 2-3% всего населения.

Количество русских иллюстрируют выборы в Сейм и Сенат 1928 года. Для русских в Полесском воеводстве они были успешными. Прежде всего отметим, что в результате выборов послом в Сейм от русских стал признанный лидер русского национального движения в Полесском воеводстве и Второй Речипосполитой, житель г.Бреста, др. Павел Король. Посольское кресло он получил благодаря голосам русских всего государства. Если верить официальной статистике, то из 200 тыс. русских за русских представителей в Сейм проголосовало 133 тыс. человек (2/3), что свидетельствовало бы о высочайшем уровне национального самосознания среди этого меньшинства. Однако следует учесть тот факт, что среди голосовавших были и неэтнические «русские». В Пинском избирательном округе был избран послом председатель Русского национального объединения Н.Серебрянников. Всего в округе №60 за русский избирательный список проголосовали 16849 избирателей. При этом польские аналитики считали, что общее количество русских в воеводстве не превышает 12 тысяч человек. Кем были те люди, которые обеспечили высокий процент поддержки избирателей в Пинском округе? Больше всего голосов дали три населенных пункта и их окрестности: Давид-Городок, Лунинец и Пинск. Общее руководство избирательной кампанией на Пинщине осуществлял зажиточный землевладелец и предприниматель Александр Кисловский. В Давид-Городке помощь в подготовке выборов оказал фельдшер и заместитель бургомистра Иван Марейко – человек, популярный здесь еще со времен Российской империи. Здесь на 11000 жителей приходилось 5780 родовитых «городчуков», которые отдали свои голоса за русских кандидатов. Польские аналитики считали их отдельной группой, достаточно предприимчивой, зажиточной и сильно русифицированной. Около трех тысяч голосов за русских кандидатов было отдано в Лунинце. В качестве одной из причин такой активности названа значительная колония тех же «городчуков» в Лунинце. В городе Пинске избирательный список №20 собрал 2675 голосов. В этом городе агитировали голосовать за русских кандидатов инж. К. Петровский и П. Хиневич. Прочие голоса были отданы жителями деревень. Самый высокий процент проголосовавших за список №20 был в столинском повете – 34,3% общего числа избирателей [3, 8; 3, 49; 3, 79].

Результаты выборов несколько изменили представления о русских, живущих в Полесском воеводстве. Высокий процент выборщиков, отдавших свои голоса за русских депутатов, свидетельствовал о том, что здесь компактно проживает значительная группа населения, сознательно поддерживающая русскую национальную идею и ее представителей. СРМО на съезде в 1931 году в Варшаве отметил, что «основная масса русских проживает на Полесье». В связи с чем здесь, в г.Бресте,

проведено первое заседание Совета Союза русских меньшинственных организаций. Брест был назван «наиболее весомым центром русской жизни в Польше» [2, 80]. Воспитанники Брестской русской гимназии особо подчеркивали тот факт, что их гимназия не эмигрантская, а обучаются в ней главным образом коренные жители воеводства [12, 14]. Несмотря на то, что Полесье было признано СРМО местом проживания основной массы людей, осознающих себя русскими, этот факт не привел к тому, что основное внимание организации было приковано к местам, где они проживали, а именно к региону Давид-Городок - Лунинец. Более того, не было попыток установить границы компактного проживания русских на этой территории. Иными словами, деятели русского национального движения отнеслись к «русским Полесья» как к тем, кто уже сделал выбор и в поддержке, опеке не нуждается. А основной задачей СРМО по-прежнему оставалась борьба за голоса потенциальных русских. Разница между СРМО и РНО заключалась лишь в том, что первые признавали русскими тех из русских, кто сам осознавал этот факт, а вторые упорно продолжали считать русскими всех восточных славян вне зависимости от их выбора.

Возвращаясь к вопросу о русофильстве среди неэтнических русских, следует отметить тот факт, что количество выборщиков, поддержавших русских кандидатов в Полесском и Новогрудском воеводствах, было бы еще выше, если бы не отказ местных деятелей РНО регистрировать избирательный список в Лидском округе и, как следствие, отказ от предвыборной агитации среди населения.

Полесское воеводство имело самую плотную сеть русских учебных заведений в государстве: здесь действовали русская гимназия и русская школа в г.Бресте, и две русских реальных гимназии в Пинске и Лунинце. Известная белорусская гимназия в Новогрудке первоначально была смешанной русско-белорусской. Но и позже в этой белорусской гимназии сохранялись белорусско-русские классы [13, 9]. В Бресте русскоязычное образование получали 450 гимназистов и 200 учеников (1927/1928г.) [3, 17]. В 1925/26 учебном году из 1861 гимназиста г. Бреста 492 посещали русскую гимназию [12, 75]. Притом, что на 1931 год общий процент восточных славян в городе - 13,2%. Русские были единственным славянским национальным меньшинством, которое имело собственную гимназию. Влияние русскоязычного образования еще более возрастает, если принять во внимание, что Полесское воеводство принадлежало к числу воеводств с самым малым числом гимназий (13) и лицеев (13). В 1935/36 учебном году бюджет русской гимназии Бреста был равен 26734 злотым. Плата за обучение составляла 20-37 злотых в месяц. При минимальной оплате общего количества учеников на тот год (140), сумма должна была составить 2800 злотых [12, 54]. Как видно, бюджет меньше данной суммы из-за того, что для беднейших учеников оплата была значительно снижена. На 1929 год в двух русских библиотеках Бреста насчитывалось 5000 томов, а постоянными посетителями являлись 950 человек. Существование упомянутых культурных институций обеспечивалось поддержкой дворянства, предпринимателей и тех крестьян, чьи дети учились в учебных заведениях [3, 15].

Среди крупных землевладельцев в Полесском воеводстве русским был почти каждый десятый. При этом русские землевладельцы владели 19,3% (312 тыс.га) всех крупных земельных наделов. Соотношение доли русских к доле их владений позволяет считать их зажиточным слоем даже среди крупных землевладельцев. Наибольший процент (67,4%) среди крупных землевладельцев составляли поляки и, в представлении крестьянства, межвоенный «панский двор» оставался польским. Русские были среди землевладельцев второй по величине после поляков крупной национальной группой. Разумеется, что обладание таким ресурсом, как крупные угодья, позволяло русским землевладельцам иметь влияние на наемных работников. В частных владениях находили себе работу администраторами и лесными работниками и бывшие

военнослужащие царской и белых армий. Трудно ответить на вопрос: не были ли зачислены в группу «русские землевладельцы» лица неславянского происхождения? Процент крупных землевладельцев, осознающих себя русскими, мог быть несколько выше, если принять во внимание, что среди белорусов и украинцев подобное явление наблюдалось часто. Всего православные в Полесском воеводстве владели 28,4% всех крупных хозяйств [11, 5]. Главным образом, хозяйства, находящиеся в руках русских землевладельцев, не принадлежали к образцовым. Некоторые были «страшно заброшенные, а в особенности те, которые выделялись большим процентом пахотной земли, так как из-за отсутствия живого и мертвого инвентаря собственники тех владений, не будучи в состоянии их соответствующим образом обрабатывать, отдельными участками отдают в аренду жителям окрестных сел, которые чаще всего из-за своего низкого уровня культуры ведения сельского хозяйства земли эти нещадно эксплуатируют, из-за чего урожайность их становится все более низкая, и в конце концов доводят до такого состояния, что большинство земель становится неурожайными» [3, 8].

Ярким представителем крупных русских землевладельцев и успешным предпринимателем можно считать А.Кисловского, владельца 9000 десятин в Дрогичинском повете Полесского воеводства. Его имение было оценено в 200000 (!) злотых [2, 55; 7, 3]. Как уже упоминалось, Кисловский принимал самое активное участие в предвыборной компании сразу в двух избирательных округах Полесского воеводства. В дополнение ко всему вышесказанному следует отметить, что А.Кисловский был человеком высокообразованным. Образование он получил в Киевском университете и Петербургской школе артиллерии.

Высокий уровень образования – типичная черта многих представителей русской интеллигенции Западной Белоруссии. Общая характеристика, которую давали административные власти русским, звучит как «главным образом интеллектуалы», «высоко интеллектуальный» и т.п.. Среди общей массы русских группой «низко интеллектуальной» названы лишь сельские священники [2, 49; 3, 2-3; 3, 8].

Сборы денег на благотворительные и культурные цели у русских были более значительным, нежели у белорусов и украинцев. Бал-концерт, проведенный 5.05.1930 г. в Пинске, принес чистого дохода 1740 злотых. В мероприятии принимало участие около 300 человек. [3, 34] Сумма для небольшого числа русских провинциального города внушительная. Для сравнения на аналогичном по количеству человек мероприятии ТБШ 9.12.34г. в Столбцах чистый доход составил 194 злотых [5, 226]. Всего за 1930/31 финансовый год бюджет пинского отделения Русского благотворительного общества составил 8200 злотых. Из них лишь 2000 составляли членские взносы, все остальные деньги получены в результате проведения лотерей, концертов и танцевальных вечеров [3, 74]. Не всегда концерты были такими прибыльными. Проведенное 29 ноября 1931 г. в театре Гольцмана в том же Пинске мероприятие при 898 злотых общего прихода дало лишь 113 злотых чистого дохода. [9, 3] Надо полагать, львиную долю поглотила аренда помещения.

Причина значительных денежных пожертвований заключается в обладании русскими большими суммами свободного капитала. Именно поэтому русские, как меньшинство, могли позволить себе нанять агитатора на время предвыборной кампании. Крестьянин-агитатор Федор Сацюта в Дрогичинском повете получал за ведение предвыборной агитации 150 злотых в месяц [3, 9].

В предвыборной прессе 1928 года русские были представлены как очень зажиточная группа населения. Органевой селянской партии газета «Заря» писал, что деятели РНО «На агитацию получают крупные деньги (десятки тысяч злотых) из-за границы от эмигрантов». [7, 3] Подобная информация была преувеличением, так же как

и «сотни агитаторов», но уже сама по себе свидетельствует о том, как могли представлять себе русских. Русские Полесского и Новогрудского воеводства сами проводили сборы в пользу русской эмиграции во Франции. Например, на собрании брестских русских монархистов пятого декабря 1928 года решено было переслать деньги на памятник жене ген.Врангеля в сумме 400 злотых. Кроме того, определенную сумму предполагалось переслать в кассу вел.кн.Николая Николаевича. [1, 3]

Единственной организацией, с полной уверенностью финансируемой эмиграцией и, возможно, германской и британской разведками, было Братство русской правды. В ноябре 1928 года Семен Бродович из Малькович, проживающий в г.Лунинце, получил из Чехии тысячу долларов [1, 6].

Нам известен лишь один случай, когда среди русских появляются идеи создания национальной кооперации и национального банка. Идея создания именно русского кооператива и банка появилась в 1930 г. Предполагаемым главой кооператива должен был стать известный польский кооператор, социалист А.Бон [3, 27]. Банк должен был возглавить Ф.Манасевич [2, 42-44; 3, 33]. Реализовать проект не удалось в силу ряда причин, в том числе и потому, что кооперативное ведение хозяйства ассоциировалось с идеями социализма, которые способствовали падению идеала русских монархистов - Российской империи. У русских, главным образом, отсутствовали кредитные и потребительские национальные организации, данными видами деятельности русские могли и занимались в частном порядке. Так, Борис Васильев из Телехан возглавлял местное отделение Кассы Стэфчика, а Павел Хинич из Пинска ссуживал деньги под проценты. Известный русский деятель г.Бреста П.Король зарабатывал деньги с помощью извлечения прибыли на разнице курса валют и «финансовых махинаций» [3, 3; 3, 77; 3, 85].

Финансовое положение русских национальных организаций было далеко не идеальным. Создание общественных организаций, отдела Русского благотворительного общества в г.Бресте зачастую было связано с финансовыми трудностями, испытываемыми русскими культурными учреждениями [2, 53]. Из 3200 членов брестского отделения РНО членские взносы платили лишь 10%. На собрании 24 мая 1930 г. глава воеводского комитета П.Архипенко отмечал, что существованию русских организаций угрожает отсутствие денег. Пожертвования упали до прежде невиданного уровня. С целью «любой ценой» помочь бедным ученикам гимназии, Архипенко предложил «добровольно обложить себя постоянным налогом» [2, 44]. Дополнительно, в конце 1929 – начале 1930гг. проведена разовая акция добровольного «национального налога» в поддержку позиции православной церкви на судебных процессах по вопросам ревиндикации церковного имущества [2, 80]. «Национальный» или «свободный налог» до 1926 года собирался представителями нелегального Русского попечительского комитета. Собранные деньги шли на поддержку русских эмигрантов. Упомянутый налог собирался в основном за счет русских землевладельцев и экономов. [2, 52] После самоликвидации Русского попечительского комитета единственной организацией, помогающей эмигрантам и ученикам из бедный семей, стало Русское благотворительное общество.

С финансовыми трудностями сталкивалась и самая известная театральная труппа, объезжавшая с гастролями Западную Белоруссию, «ТАРД». Ею руководил виленский режиссер И.Павловский. В 1931 году труппа посетила г.Пинск. Вот какой комментарий был помещен в местной русской газете: «Недавно выступившая в театре нашем русская драматическая труппа «Тард», несмотря на богатый репертуар свой и прекрасную игру отдельных артистов, больших сборов не делала» [8, 2]. Через несколько лет, 24 марта 1934г., виленский воевода напишет о ней: «Артисты не имеют постоянного заработка, так как зарабатывают театральными представлениями, объезжая территории Северо-

восточных воеводств, сталкиваются с серьезными техническими трудностями, которые (выступления) одновременно не приносят значимых финансовых результатов. По этой причине среди артистов господствует нужда и пауперизация» [5, 27].

Из русских газет регулярно в течение полугодия выходила только газета «Под небом Полесья». Газету редактировал известный журналист Павел Хинич из Пинска. Основной причиной закрытия газеты стали репрессии со стороны властей. Православное духовенство из чувства национального долга подписывалось на «Под небом Полесья», тем самым обеспечивая финансовую основу ее существования. Кроме этого, русские Западной Белоруссии самостоятельно подготовили несколько газет-однодневок: «Зарница», «Наш день», «Русский день» (Гродно), «Пинский голос» (Пинск), «Проблески» (Брест) [3, 30; 12, 171]. Русская пресса, издававшаяся за пределами Западной Белоруссии, была достаточно богата и разнообразна. Наиболее популярными среди русскоязычных газет были «Воскресное чтение», «За свободу», «Наше время», «Сегодня», «Слово» [3, 70-73]. В кризисном 1931 году в разных поветах Полесского воеводства русскую прессу выписывали более 350 подписчиков.

Существование частной гимназии, регулярной подписки на русскую прессу и бюджеты национальных институций, исчислявшиеся десятками тысяч злотых, как и крупные земельные владения, сосредоточенные в руках русских, свидетельствуют о том, что, несмотря на национальную катастрофу времен Гражданской войны, русские оставались зажиточной высокоорганизованной группой населения. Они также сохраняли прежний высокий уровень национальных претензий, причисляя к потенциальным русским 70% всего населения Западной Белоруссии. Ввиду того, что основная масса сельского восточнославянского населения не поддерживала русское национальное движение, в сфере его влияния находилось не более 10%.

Литература

1. Archiwum Akt Nowych syg.976/74
2. Государственный архив Брестской области (ГАБО) ф.1оп.9д.136
3. ГАБО ф.1оп.9д.1182
4. ГАБО ф.2004оп.2д.31
5. Государственный архив Гродненской области (ГАБО) ф.551 оп.1д.1160
6. ГАГО ф.551 оп.1д.1211
7. Заря №6(12) 1928г.
8. Под небом Полесья №1 1931г.
9. Под небом Полесья №5 1931г.
10. Mały rocznik statystyczny, Warszawa, 1939, s.424
11. Spis ziemian Rzeczypospolitej Polski w 1930: wojewodstwo poleskie i wojewodstwo wolynskie, Warszawa, 1996
12. Монтвилов М.В. Русская гимназия в Бресте-на-Буге 1919-1939гг. – Ним-Брест-Минск, 1996 – 119с.
13. Чэмер А. Навагрудзкая беларуская гімназія – Вільнюс: SAVERENAS, 1997, с.133

Cultural, Economic and Demographic Resource of Russian National Movement in the Western Belarus (1921-1939).

V. Misiyuk

Brest State Technical University, Brest, Belarus

The article describes potential opportunities of the Russian national movement. According to results of parliamentary elections in 1928 places of residing of great numbers of the Russian were recognized in Polesian region. The Russians possessed enormous lands here. Among this national minority there was kept the high percent of educated people. In Western Belarus the Russian maintained a private Russian grammar school, supported national press and theatre.